

Генри Хаггард

Мечта мира

Генри Райдер Хаггард

Мечта мира

«Public Domain»

1890

Хаггард Г.

Мечта мира / Г. Хаггард — «Public Domain», 1890

«...На веслах корабль несется так же легко, как при западном ветре. На деке корабля стоит человек и смотрит вперед. Он невысокого роста, но крепко сложен, широкоплеч и, по-видимому, очень силен. У него синие глаза, темные вьющиеся волосы рассыпаются из-под красной матросской шапки по пурпуровому плащу, застегнутому золотою брошью. В его темных локонах мелькают серебряные нити, а борода совсем побелела. Вся душа его в глазах, он следит, не уставая, не покажется ли из темноты огонь маяка на лежащем впереди острове или дымок из-за далеких холмов, но ждет напрасно: ни огня, ни дыма, ни звука голосов, ни крика птиц, ничего. На острове царит мертвая тишина...» Книга также выходила под названием «Скиталец».

Содержание

Глава I. Безмолвный остров	6
Глава II. «Мечта мира»	9
Глава III. Одиссей убивает сидонцев	12
Глава IV. Кровавое море	16
Глава V. Царица Мериамун	18
Глава VI. История царицы Мериамун	21
Глава VII. Видение царицы	25
Глава VIII. В святилище смерти	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Генри Райдер Хаггард

Мечта мира

* * *

Глава I. Безмолвный остров

Шумно плещут и пенятся огромные валы безбрежного моря, омывая подошвы гор.

Тихо скользит по волнам корабль, огибая острова и несясь вперед во мраке ночи. У корабля только одна мачта и широкий коричневый парус, на котором вышита золотом звезда; его корма стоит высоко над водой и похожа на клюв птицы, нос выкрашен в ярко-красный цвет.

На веслах корабль несется так же легко, как при западном ветре.

На деке корабля стоит человек и смотрит вперед. Он невысокого роста, но крепко сложен, широкоплеч и, по-видимому, очень силен. У него синие глаза, темные вьющиеся волосы рассыпаются из-под красной матросской шапки по пурпуровому плащу, застегнутому золотою брошью. В его темных локонах мелькают серебряные нити, а борода совсем побелела. Вся душа его в глазах, он следит, не уставая, не покажется ли из темноты огонь маяка на лежащем впереди острове или дымок из-за далеких холмов, но ждет напрасно: ни огня, ни дыма, ни звука голосов, ни крика птиц, ничего. На острове царит мертвая тишина.

Вот корабль приблизился к берегу, на котором не было и признака жизни. Лицо человека омрачилось. Глаза его потухли, он, казалось, постарел от заботы, сомнений и тоски по родному дому.

Ни один человек не мог так любить свой дом, как он, Одиссей, сын Лаэрта, прозванный Улиссом, возвращавшийся теперь из своего второго странствия. Весь мир знал о его первом путешествии. Десять лет скитался он по морю после взятия Трои и добрался до дома, переодетый нищим. Дома он встретил злобу и насилие врагов, убил их в своем собственном доме и снова завоевал свою жену, однако и после того не нашел покоя и отдыха: на нем тяготело проклятие. Он должен был выполнить свою задачу, странствовать до тех пор, пока не достигнет той страны, где люди не знали вкуса соли и не слыхали о существовании соленого моря.

Тогда он должен был принести жертву богу моря и вернуться домой. Он стерпел проклятие, выполнил все должное, чтоб умиловить разгневанное божество, относившееся раньше к нему по-дружески, и после всевозможных приключений приближался к родине. Итак, побывав в чудных странах, теперь он возвращался от Ворот Солнца и Белой скалы, из Обиталища душ, из страны народа Снов.

Но на его родном острове было тихо и пустынно, как нигде, берега казались пустыней в лучах рассвета.

Корабль остановился в хорошо знакомой гавани, закрытой скалами от ветра. Скиталец не обернулся назад, не сказал ни одного слова на прощание своему экипажу, схватился рукой за ветку огромного оливкового дерева и прыгнул на берег, здесь встал на колени, поцеловал родную землю и, покрыв голову плащом, начал молиться, чтобы найти дома мир и покой, верную, любимую жену и достойного сына.

Но молитва его не была услышана. Поднявшись после молитвы на ноги, странник оглянулся назад, но в гавани не было и следа корабля, а в море не было заметно белевшего паруса. Кругом царила тишина, даже дикие птицы не приветствовали его своим криком.

«Солнце только что взошло, и люди не успели проснуться», – подумал Скиталец и скрепя сердце пошел по тропинке на холм, через скалы, тянувшиеся по острову. Взираясь по холму, он надеялся, как прежде, найти дом своего верного слуги, свинопаса, и узнать от него о родном доме. Вот и избушка его. Дубовый крепкий частокол весь поломан. Ни признака дыма из трубы, даже собаки не выбежали навстречу. Дверь в избушку была открыта настежь, но в ней было совсем темно. Паутина висела с потолка, всюду пыль и запустение. Очевидно, люди давно не входили сюда.

Скиталец крикнул, но ему ответило только эхо. Тогда он вошел внутрь, надеясь найти пищу, а может быть, искру тлевшего огня под сухими листьями. Но нет. Холодный мрак, подобный смерти, царил повсюду.

Скиталец снова вышел на воздух под теплые лучи солнца и пошел по направлению к городу Итаке. Он видел сиявшее, как прежде, безбрежное море. Но на нем не видно было парусов. На полпути ему встретились ольховая роща и бассейн, вода которого вытекала из старого фонтана Нимф. Теперь бассейн был изломан и зарос мхом, вода промыла в нем трещины и ушла в море. Путешественники не совершали здесь жертвоприношений, и огонь на алтаре Нимф давно погас. Трава покрыла остатки пепла, жертвенный камень зарос плющом.

Скиталец спешил вперед с тяжелым сердцем. Скоро он увидел высокую кровлю своего дома. Но и здесь не шел дым из трубы, широкий двор зарос сорной травой. Там, где посредине двора когда-то стоял алтарь Зевса, находилась большая куча какой-то белой пыли, около которой росла безобразная трава, редкая, как волосы на голове прокаженного.

Скиталец вздрогнул, заметив в куче почерневшие человеческие кости, подошел ближе, и – о, ужас! – куча оказалась останками мужчин и женщин. Очевидно, здесь хорошо поработала смерть, масса народа погибла от чумы. Трупы их были сожжены, а те, кто свалил их сюда, вероятно, убежали, так как людей не было видно нигде. Даже двери были открыты, но никто не входил и не выходил из них. Дом был мертв так же, как люди, которые когда-то жили в нем.

Скиталец помедлил минуту на месте, где старый Аргас когда-то приветствовал его. Одинокое стоял он, опираясь на свой посох. Вдруг луч солнца упал на кучу костей, и что-то ярко заблестело в ней. Скиталец тронул концом своего посоха кучу, и к его ногам упала кость руки, на которой блеснуло золотое запястье. На запястье была выгравирована характерная надпись.

При виде ее несчастный в ужасе упал на землю, узнав золотое запястье, несколько лет тому назад привезенное им в подарок жене своей Пенелопе. Он обессилел и долго рыдал, собирая прах своей жены и посыпая им голову. Долго лежал он на земле, кусая руки, проклиная богов и судьбу; лучи солнца жгли его, но он даже не двинулся с места, когда ветерок на закате солнца зашевелил его волосы.

Солнце закатилось, и стало темно. На востоке медленно всплыл серебристый месяц. Неподалеку раздался крик ночной птицы. Черные крылья мелькнули в воздухе, и хищная птица клюнула шею Скитальца. Он пошевелился, взмахнул рукой, схватил птицу и с силой бросил ее на землю. Страдания его были так невыносимы, что он начал искать у пояса нож, чтобы убить себя, но ножа не было. Тогда он встал, шатаясь, и стоял, озаренный лучами месяца, словно лев у разрушенного дворца забытых королей. Ослабев от голода и тоски, он прислонился к дверям собственного дома и смотрел на высокий каменный порог, где когда-то он сидел, переодетый нищим, и где убил оскорбителей своей жены.

Теперь жена его умерла. Все было кончено, и навсегда. При свете луны дом казался ему каким-то страшным призраком... Там не было людей, не было тепла, света и любви. Столы были свалены там и сям в большом зале, кресла из слоновой кости сломаны. Повсюду валялись остатки похоронного пира, опрокинутые кубки и блюда. Лунные лучи скользили по стенам, сверкая на клинках оружия и бронзе.

Вдруг одна знакомая вещь привлекла внимание Скитальца. Это был лук Эврита, из-за которого великий Геракл убил гостя в своем доме, ни один смертный не мог согнуть его. Скиталец берег драгоценный лук, не взял его с собой на корабль, а оставил дома как дорогую память об убитом друге! Теперь, когда дом его мертв, когда нет в нем ни жены, ни ребенка, ни слуг, только этот лук, казалось, приветствовал его. Это был удивительный волшебный лук! В нем обитал дух, который предвещал битвы. Перед всяким несчастьем лук странно звучал целую ночь. Его тонкий, пронзительный голос звенел, как струна, и гудел, как стрела. В то время, когда Скиталец стоял и смотрел на оружие, лук зазвенел. Сначала звуки были слабы,

но, по мере того как он прислушивался, они становились сильнее, явственнее. Это пение звучало в его ушах и сердце.

Это была песнь смерти, и эти звуки впервые нарушили тишину заброшенного дома.

Ясно и гулко поет стрела
Вещую песнь волшебного лука, и звучит, как стрела.
Пронзительно раздается ее песнь:
Пустите нас, пустите насытиться телом человека!
Быстрые, жадные, летим мы издалека,
Словно хищная птица на кровавый пир после битвы.
Мы наполним собою воздух
Подобно каркающим стаям хищных воронов.
Словно снежные хлопья, гонимые ветром,
Мчим мы и несем с собой смерть.

Услышав эту музыку, Скиталец понял, что война близко. Он знал, что его стрелы быстро полетят в цель и насытятся человеческой кровью, протянул руку и взял лук.

Наконец он разразился слезами. Слезы потекли ручьями из его глаз. Он долго и непрерывно плакал, потом встал и пошел, потому что голод заговорил в нем сильнее тоски, любви и желаний.

Через узкую дверь он прошел в потайную кладовую дома, которая была выстроена им самим. С трудом отыскал он дверь, так как и здесь все заросло травой, и нашел запас зерна. Дом был богат запасами и провизией, когда появилась чума. Странник поел и вынул из сокровищницы прекрасное золотое оружие несчастного Париса, сына Приама. Царь Менелай после разгрома Трои подарил его своему дорогому гостю Одиссею. Скиталец надел на себя золотое оружие и взял меч с бронзовым клинком и серебряным наконечником. Любовь к жизни вернулась к нему теперь, когда он поел, выпил воды и слышал песнь волшебного лука. Он был жив и надеялся жить, хотя дом его был заброшен, жена умерла, и сын Телемах исчез, и никто не мог ничего сказать о нем.

Одевшись, он выбрал себе два копья, почистил их, привязал за плечами колчан со стрелами, взял свой большой лук и ушел из родного дома, ушел навсегда. Никогда нога его не ступит сюда более!

Пусть зарастает травой, пусть морской ветер поет над ним погребальную песнь!

Глава II. «Мечта мира»

Ночь была светла и тиха. Только шум воды нарушал царившую кругом тишину. Скиталец вышел из своего дома и пошел к морю, поглядывая вокруг. Везде было темно и тихо. Многие из домов были совсем разрушены, так как за чумой последовало землетрясение. Там и сям по дороге виднелись ямы, и лунный свет, пробиваясь в трещины домов, бросал причудливые и странные тени. Наконец Скиталец добрался до храма Афины, богини войны. Кровля храма упала, колонны пошатнулись, пол зарос диким тимьяном. Он подошел к двери другого храма, на алтарь которого когда-то приносили много жертв. То был храм Афродиты, богини любви.

В открытую дверь до него донесся нежный запах ладана и курений, что-то блеснуло в серебристых лучах месяца... Медленно шел Скиталец, чувствуя себя усталым, словно в полусне, потом спрятался в тени длинной миртовой аллеи, опасаясь, что морские разбойники, быть может, пируют в развалинах забытого храма.

Нет, ни одного звука не доносилось до него, ни пения, ни танцев... Все было тихо и пустынно.

Набравшись мужества, он вошел в священное место. Высокие бронзовые жаровни не дымились куреньем, факелы не горели в руках золотых фигур, стоявших в храме Афродиты. Но что это? Грезил ли он наяву или был это отблеск лунного света? Весь храм купался в огненном сиянии. Пламя выходило не из алтаря, а горело неугасимым, божественным огнем. Стены с нарисованными на них сценами любви, резные колонны и своды – все это пламенело ярким сиянием огня.

Скиталец испугался, поняв, что божество близко. Он склонил голову, закрыл лицо и сел у алтаря. Спал ли он или грезил, он сам не знал, но ему явственно слышался шелест и шепот миртовых и лавровых деревьев, и чье-то холодное дыхание повеяло ему в лицо.

Он вздрогнул, волосы на голове зашевелились. Вдруг наступила тишина. Затем раздался голос. Он знал, что это голос божества: боги часто говорили с ним прежде, он слышал музыкальный голос Афины, царицы мудрости и войны, нежный лепет Цирцеи, дочери Солнца, и дивную речь Калипсо. Теперь до него доносились слова нежнее воркования голубки, слаще сна.

– Одиссей, ты не знаешь меня, но я твоя госпожа, и ты должен быть моим слугой! Где же твоя богиня Афина? Зачем преклоняешь ты колена перед дочерью Зевса?

Скиталец не ответил, только склонил голову в глубокой тоске. Между тем таинственный голос продолжал:

– Смотри, твой дом опустел, твой очаг холоден! Ночные птицы нашли приют под твоей кровлей.

У тебя нет ни ребенка, ни жены, ни родины, твоя богиня Афина забыла тебя. Много жертв приносил ты ей, а мне принес ли хоть пару голубей? Или она забыла тебя потому, что серебристые нити появились в твоих темных волосах? Разве мудрая богиня так же изменчива, как нимфы? Разве она любит человека только в расцвете юности? Я не знаю и не понимаю этого! Знаю только, Одиссей, что ты должен склониться передо мной и служить мне. Я покорю себе все живущее: богов, людей и животных. Не думал ли ты избежать Афродиты? Ты никогда не любил так, как я внушаю людям любить. Ты никогда не слушался меня, не знал радостей и горя любви! Ты только терпел ласки Цирцеи, дочери Солнца, и скучал в объятиях Калипсо. Что касается твоей умершей жены Пенелопы, ты любил ее законной любовью, но не пылкой страстью. Она была твоим другом, твоей хозяйкой, матерью твоего сына. С ней соединяются все воспоминания твоей родины. Но она умерла, ребенка нет, твоя родина – только груда костей и развалин. К чему послужили все твои странствования, труды и приключения? Что нашел ты? Ты жаждешь найти то, что ищет все человечество – «Мечту мира». Никто не может найти ее, не нашел и ты, Одиссей. Твои друзья умерли, страна опустела, все погибло,

осталась одна надежда. Перед тобой лежит новая жизнь, без забот и воспоминаний прошлого. Хочешь ли ты быть моим слугой?

Голос становился все нежнее, слышался все ближе, дивное благоухание коснулось Скитальца. Дыхание богини коснулось его шеи, ее волосы смешались с его темными локонами.

– Теперь, Одиссей, – продолжал голос, – пожертвуешь ли ты один час для меня? Не бойся, ты не увидишь меня. Подними голову и взгляни на «Мечту мира»!

Одиссей поднял голову и увидел дивное видение. Это была девушка, не похожая на смертную женщину, в полном расцвете красоты, юности, почти дитя, прекрасная, как богиня. Сама Афродита могла бы позавидовать ее чудной красоте!

Она была тонка и стройна, как молодая пальма, в ее глазах светилось спокойствие и невинность младенца. Девушка держала на голове блестящую бронзовую урну, словно она несла воду из колодца.

Скиталец узнал ее: он видел ее, когда путешествовал в страну ее отца, царя Тиндара, встретил ее, когда она шла с реки. Но тогда он был молод, и глаза его любовались красотой Елены, сердце жаждало ее, прекраснейшую из женщин, и он просил ее руки. Но Елена была отдана другому человеку, Менелаю.

Созерцая юную Елену, Скиталец чувствовал, что помолодел, что любит красавицу страстной и юной любовью.

Видение растаяло, исчезло... Из тумана появилась новая картина. Он увидел самого себя, переодетого нищим, сидевшего в огромном освещенном зале, а женщина мыла ему ноги и умащала его голову благовонным маслом. Лицо женщины было прекрасно, но печально.

И вспомнилось Одиссею, как прокрался он в город Троя, в дом Приама, чтобы проследить троянцев, как Елена, прекраснейшая из женщин, омыла его ноги и помазала голову маслом. Пока он смотрел, видение исчезло в тумане. Он склонил голову, упал на колени перед алтарем богини и воскликнул:

– Где под солнцем живет златокудрая Елена?

Голос богини, казалось, прошептал ему на ухо:

– Разве я не правду говорила, Одиссей? Разве ты не служил мне, разве не любовь спасла тебя в Трое в ту ночь, когда даже мудрость не могла помочь тебе?

– О да, богиня!

– Слушай же! – продолжал голос. – Я буду милостива и добра к тебе. У тебя нет ничего – ни дома, ни родины, но я вдохну в твоё сердце забвение всех печалей и любовь к той, которая была твоей первой любовью в дни твоей юности! Елена еще живет на земле. Я пошлю тебя искать ее, и ты будешь долго воевать и странствовать. Ты найдешь ее в далекой стране, среди странного народа, и храбрейший, и мудрейший из мужей будет в объятиях прекраснейшей из женщин. Но помни, Одиссей: ты должен отдать свое сердце только Елене, а не другой женщине. Вот тебе знак, по которому ты узнаешь Елену в волшебной стране среди женщин, занимающихся колдовством. На груди Елены сияет драгоценный камень, большая звезда, мой дар ей в ночь ее свадьбы с Менелаем. С этой звезды каплют красные капли, похожие на кровь, текут на ее платье и исчезают, не запачкав его.

Ты узнаешь ее по этой звезде любви и поклянешься ей в любви и верности. Если же ты, Одиссей, нарушишь свою клятву, то никогда в жизни не увидишь златокудрую Елену. Ты умрешь от воды тихой смертью! Но раньше ты будешь в объятиях прелестной Елены!

– Богиня, как может это быть, – возразил Скиталец, – если я один на этом острове? У меня нет ни корабля, ни спутников, чтобы переплыть море?

– Не бойся! – ответил голос. – Все в руках богов. Иди из моего храма и усни. Спи и отдыхай – твоя сила вновь вернется к тебе, и раньше заката солнца ты будешь уже плыть на поиски «Мечты мира». Теперь же выпей эту чашу на моем алтаре! Прощай!

Голос замер, словно далекая музыка. Скиталец очнулся, поднял голову, но свет исчез, и серые предрассветные сумерки смотрели в окна храма. На алтаре стояла золотая чаша, наполненная до краев красным вином. Скиталец взял чашу и выпил волшебный напиток. О чудо! Сердце его согрелось надеждой, забылись все прежние печали, горести и тоска по любимым существам, которых не было в живых.

Он встал и пошел легкой походкой молодого человека, держа в руке оба копия и неся на спине свой лук, затем, дойдя до большой скалы, лег и заснул глубоким сном.

Глава III. Одиссей убивает сидонцев

На востоке занималась заря. Новый день начинался над спокойной гладью моря. Лучи солнца озарили верхушки холмов, играя на золотом вооружении спящего Скитальца. В это время невдалеке показался черный корабль, быстро бежавший к берегу на веслах. Нетрудно было узнать в нем корабль сидонских купцов, удивительно жадного и корыстного народа. На носу корабля находились две фигуры богов, большеголовых карликов с огромными ртами и кривыми ногами.

Корабль возвращался из Альбиона, от ворот великого моря, и вез богатую кладь. На дне корабля рядом с рулевым стоял капитан, худой, зоркий моряк, который издали заметил золотое вооружение Скитальца. Он не мог ясно разглядеть, что блестело так ярко в лучах солнца, но всякое золото привлекало его, как железо притягивает к себе руки героев. Капитан приказал направить корабль к берегу. Подойдя ближе, моряки увидели спящего человека в блестящем золотом вооружении. Пошептались купцы, рассмеялись, вышли на берег, захватив с собой канат и веревку, на которой сделали петлю и узел, лассо, чтобы было удобнее захватить спящего, затем влезли на утес, чтобы набросить петлю и втащить человека в золотом вооружении на свой корабль, увезти его к устью египетской реки и продать в рабство. Коварные и жадные сидонцы любили ловить мужчин и женщин и продавать их за золото или серебро. Они успели захватить много царских сыновей, которые умерли в неволе, тоскуя по родине.

Тихо двигаясь вперед, сидонцы ползли по траве и наконец очутились около спящего Скитальца. Но последний и во сне почувал их приближение, повернулся и сел, недоуменно оглядываясь кругом. Не успел он, однако, опомниться, как петля очутилась на его шее. Его повалили и потащили. Но он вскочил на ноги, издал свой воинственный клич и бросился на купцов, схватившись за меч. Те, что стояли ближе к нему, отпустили веревку и убежали, но остальные тащили веревку изо всей силы. Если бы руки Скитальца были свободны, он мог бы вытащить меч и покончить с ними, но его руки были стянуты петлей. Долго не могли они справиться с ним, хотя те из них, что убежали, успели вернуться и помогали тащить веревку. Наконец они осилили его и потащили за собой, шаг за шагом, пока он не запнулся и не упал. Тогда они кинулись на него, схватили и связали веревками, затянув их морским узлом. Но добыча обошлась им дорого, и двое не вернулись на свой корабль, так как Скиталец раздавил одного коленями, а другого убил страшным ударом ноги.

Наконец он ослабел, и разбойники потащили его на корабль, где и бросили на фордек.

Корабль поплыл вперед. Ветер был попутный. С легким сердцем отправились купцы в путь. Они умели вести дело с дикими племенами, жившими на острове Альбион, закупили достаточно и олова, и золота, и стекла, а теперь в довершение всех своих приключений им удалось захватить человека, за вооружение которого можно получить царский выкуп. Прекрасное путешествие! Прекрасный попутный ветер!

Путь их был длинный, по хорошо знакомым водам. Они прошли Кефалению, многие другие острова и лесистую местность Закинфа, которая принадлежала Одиссею. Но он лежал молча, тяжело дыша, и поднял голову, только чтобы взглянуть на заходящее солнце, которое скрывалось за утесами родной Итаки.

Корабль шел вдоль берега, мимо многих забытых городов. Глубокой ночью добрались они до Пилоса, издали заметив огни, горевшие в домах города.

Когда они достигли южного пункта, где встречаются два ветра, разразилась буря, и шторм погнал их на скалы. Долго боролся корабль с волнами и не мог войти в гавань, долго бросало его во все стороны. Люди хотели спасти корабль, выбросить за борт весь груз, но капитан защищал сокровище с мечом в руке: он решил или утонуть, или плыть вперед на корабле, добраться до Сидона, города цветов и пальм, выстроить там белый домик среди пальмовой рощи и навсегда

отказаться от моря. Он дал клятву в этом и не позволил им бросить Скитальца за борт, как те хотели. «За него можно взять хорошие деньги!» – кричал капитан.

Наконец буря прекратилась, люди ободрились, совершили жертвоприношения, налив вина перед фигурами богов-карликов на носу корабля, и зажгли куренья на маленьком алтаре, потом, насмехаясь над пленником, повесили его меч и щит на мачту, а колчан и лук взяли себе как трофей победы. Купцы думали, что пленник не понимает их языка, но тот хорошо понимал, так как побывал во многих странах и знал многие языки. Потом матросы принесли пленнику пищи и вина. Он поел, и его сила вернулась к нему. Тогда он знаком пояснил им, чтобы они несколько ослабили связывавшую его веревку, так как у него затекли ноги. Они пожалели его и несколько ослабили узлы веревок. Одиссей лег на спину и отдыхал.

Так плыли они к югу и видели много странного, на пути своем встречали корабли с невольниками, молодыми мужчинами и женщинами из Ионии, которые были похищены работорговцами. Сидонцы очень спешили и однажды ночью бросили якорь у маленького островка, близ устья Нила.

Скиталец начал обдумывать план бегства, хотя надежды на успех было мало. Он лежал в темноте и не мог спать. Часовой стоял поблизости, не сводя с него глаз. Тогда пленник притворился спящим. Много мыслей бродило в его голове, и ему казалось теперь, что видение богини было только сном. Ему придется жить в рабстве, быть невольником, работать на египетских рудниках до самой смерти. Вдруг он услышал слабый звук сверху из лука, висевшего на мачте над его головой. Песнь лука проникла ему в сердце.

О! Час близится,
Время летит,
И враги убегут
От острых стрел.
Пусть хищные птицы летят
К тем, кто спит и кого ожидает смерть!
Пронзительно и громко
Поют острые стрелы.
Песнь лука звучит, как струна.

Пение затихло, и к Скитальцу вернулись надежды: он знал теперь, что не будет рабом, что час освобождения близок. Узлы веревок не мешали ему. Давно, в дни его странствий, Калипсо, горячо любившая его, научила его завязывать узлы, которых не может развязать ни один человек, и развязывать все узлы, завязанные людьми. Он припомнил теперь ее уроки и, забыв о сне, потихоньку развязывал веревки и узлы. Он мог уйти теперь, если бы ему удалось убежать незамеченным, доплыть до острова и спрятаться в кустарнике. Но душа его жаждала отмщения не менее, чем свободы. Он решил завладеть кораблем со всеми сокровищами и поехать к египетскому царю.

С этой мыслью он лежал, оставив веревки на руках и ногах, как будто они были крепко завязаны.

Так пролежал он до утра, когда пришли матросы и снова начали смеяться над ним. Один из них взял блюдо с чечевицей, поднес его Скитальцу и сказал на финикийском языке:

– Могущественный господин, ты – один из сонма богов, удостой принять нашу жертву! Разве вкусный запах не ласкает обоняние господина? Почему не хочет он дотронуться до жертвы?

Сердце Одиссея закипело гневом и негодованием, но он сдержался и улыбнулся.

– Почему не подходишь ты ближе, друг мой, – произнес он, – чтобы я мог ощутить запах жертвы?

Моряки удивились, услышав, что он говорит на их языке. Человек, державший блюдо, подошел ближе и, словно дразня собаку, то подносил к нему блюдо с чечевицей, то отнимал его прочь. Но едва он успел подойти ближе, как Скиталец вскочил на ноги, причем веревки упали к его ногам, и ударил матроса по голове кулаком. Удар был так силен, что проломил голову матросу. Последний ударился о мачту, причем крепкая мачта пошатнулась, упал и тут же умер. Тогда пленник схватил с мачты свой лук, меч, надел колчан на плечи и побежал на нос корабля. Корабль был узок, и, прежде чем матросы опомнились от изумления, Скиталец стоял уже позади алтаря богов-карликов, натянув стрелу и гневно смотря на врагов. Панический страх охватил сидонцев.

– Увы! Что мы сделали! – вскричал один из матросов. – Мы схватили и связали бога! Наверное, это бог Лука, которого зовут Аполлоном. Мы должны высадить его на остров и просить пощады, чтобы он не послал нам бури и волн!

– Нет, нет, рабы! – кричал капитан. – Это вовсе не бог, а обыкновенный человек, а его вооружение стоит больших денег!

Он приказал матросам пробраться на дальний конец корабля и оттуда бросать копья в пленника, сам также вооружился длинным копьем. Это были длинные, острые пики, и ничто не могло противостоять им. Матросам вовсе не нравилось приказание капитана: достать копья значило приблизиться к луку со стрелами. Только пять человек пошли на бак, где стоял пленник. Он пустил стрелу, потом другую. Двое матросов упали, один был убит копьем, а двое остальных убежали назад.

– Собаки! – закричал Одиссей на языке сидонцев. – Это было ваше последнее путешествие. Никогда более не продадите вы в рабство ни одного человека!

Моряки столпились в кучу, советуясь, что делать с ним.

Стрелы градом летели в них, один матрос упал, остальные восемнадцать убежали вниз: на палубе им негде было спрятаться от стрел.

Солнце взошло и ослепительно засияло на золотом вооружении Одиссея. Он стоял один наверху, держа лук наготове. Кругом царила тишина, корабль качался на якоре. Вдруг несколько человек показалось на дальнем конце корабля со щитами в руках. Копья полетели в Скитальца. Он уклонился от одних, другие отскочили от его кольчуги и воткнулись в туловища богов-карликов. Глаза его зорко следили за движением врагов. Вдруг он заметил тень между ним и палубой корабля, взглянул и увидел человека, взбравшегося на мачту сзади и готового поразить его. Скиталец схватил копье и бросил его в человека. Оружие воткнулось в руки матроса, и он беспомощно повис на мачте, взывая о помощи к товарищам. Теперь стрелы пленника полетели в людей, стоявших на палубе; одни побежали, крича, что он бог, а не человек, другие бросились в море и поплыли к острову.

Скиталец не стал более ждать, выхватил меч и бросился за ними с криком, похожим на крик морского орла. Меч его летал вправо и влево, поражая всех на своем пути. Многие упали, другие бросились за борт, только капитан корабля, понимая, что все потеряно, повернулся и бросил копье в лицо Скитальца. Копье воткнулось в золотой шлем и слегка задело голову. Скиталец прыгнул на капитана и ударил его рукояткой меча с такой силой, что тот упал без чувств, затем связал ему руки и ноги и привязал к железному крюку. После этого он подошел к человеку, беспомощно висевшему на мачте.

– Что подельываешь, друг? – кричал насмешливо Скиталец. – Ты желаешь остаться со мной, а не хочешь уйти с товарищами? Оставайся же там и смотри на устье реки и на рынок, где ты хотел продать меня за хорошие деньги!

Но несчастный матрос уже умер от страха и страданий. Скиталец, расстегнув свое золотое вооружение, снял его, достал свежей воды, чтобы помыться, золотой гребенкой причесал свои длинные темные локоны и собрал все стрелы, воткнувшиеся в трупы, обратно в колчан. Когда все это было сделано, он снова надел свое вооружение, но, несмотря на свою силу, не мог

вытащить осколка копья из своего золотого шлема. Подкрепившись пищей и выпив вина, он сделал возлияние на алтарь богов и оттащил прочь огромный камень, к которому был привязан корабль, затем взялся за руль и при свежем северном ветре направил корабль к южному рукаву Нила.

Глава IV. Кровавое море

Теперь и Скиталец почувствовал себя усталым. Солнце стояло высоко на небе. Корабль быстро несся вперед. Но вдруг небо потемнело и воздух наполнился шумом и шелестом бесчисленных крыльев. Казалось, что все птицы, жившие в этой стране, слетелись сюда и неслись над морем, крича и шумя на разные лады.

В темной массе птиц ясно выделялись белоснежные лебеди. При виде их Скиталец схватил свой лук и пустил стрелу в лебедей. Один из них камнем упал в воду позади корабля.

Скиталец ожидал этого, но – о ужас! – вода вокруг раненого лебедя покраснела, как кровь. Серебристые крылья и белоснежные перья лебедя покрылись красными пятнами. Скиталец с удивлением смотрел на это зрелище, заметив, что красная пена плыла с юга, от устьев Нила, что позади корабля вода приняла кроваво-красный цвет. Скиталец подумал, что на берегах Нила была какая-то битва, что бог войны разгневался и окрасил кровью священную реку и море. Но где была война, туда рвалось его сердце, и он направился прямо к устью реки.

Было два часа пополудни, солнце ослепительно сияло на небе, как вдруг произошло что-то неожиданное. Солнце сделалось кроваво-красным и окуталось туманом, черным, как ночь. На юге стояло черное облако, похожее на гору, окаймленное огненным сиянием. Никогда во всю свою жизнь, за время всех своих странствований Одиссей не видел такого мрака. Он не мог видеть ни корпуса, ни мачты своего корабля, ни мертвого человека на палубе, ни капитана, громко стонавшего внизу и призывавшего богов. Только впереди корабля, на горизонте, виднелся просвет голубого неба да маленький остров, где он убил сидонских купцов, белел вдали, словно сделанный из слоновой кости.

На севере, откуда он ехал, синело ясное небо, высокие вершины гор, белели храмы богов. А на юге, куда он направлялся, стояла мрачная туча и царила темнота. Он знал, что там будет война людей и богов, что он найдет там последние объятия любви.

Забывая о предстоявших опасностях, Скиталец рвался вперед: он не знал страха, будучи из тех людей, которые не сворачивают с намеченного пути. Он пошел к алтарю богов, где еще дымилось куренье, своим мечом расколол несколько стрел и рукояток в мелкие щепки, положил их в жаровню и поджег. Огонь ярко вспыхнул и озарил лица мертвых людей, лежавших на палубе.

Это было самое странное путешествие в его жизни, в обществе мертвецов, среди непроглядной темноты. Ветер дул порывами. Наступила какая-то безрассветная ночь. Но на сердце его было легко, ему казалось, что он стал снова мальчиком. Забылись все прочие печали, когда он выпил напиток богини и упился наслаждением битвы.

Он схватил лиру мертвого сидонца и запел торжествующую песнь.

Хотя свет солнца погас во мраке,
Хотя народ мой исчез с лица земли,
Хотя я плыву по священному морю
Навстречу золотым лучам солнца,
Хотя я одинок и никому не известен,
Сердце мое, терпи, не страшись!..

Пока он пел, в темноте появился красноватый свет, и корабль помчался к этому свету. Скоро Скиталец увидел два столба пламени с узким промежутком между ними. Корабль прошел между ними. Огненные столбы вблизи оказались огромными горами, а за ними виднелась гавань. Когда корабль приблизился к гавани, Одиссей увидал огни на лодках, и моряк с одной

из лодок заговорил с ним на египетском языке, спрашивая, нужно ли лоцмана, чтоб провести корабль в гавань.

– Да, да! – воскликнул Одиссей.

Лодка пошла к кораблю. Лоцман вошел на корабль, держа факел в руке. Когда его глаза упали на мертвого человека, на капитана, привязанного к железному крюку, на золотое вооружение героя, на его лицо, он в ужасе отступил назад, думая, что сам бог Осирис на корабле Смерти явился в Египет. Но Скиталец просил его не бояться, говоря, что он приехал с богатым грузом и с драгоценными дарами фараону. Лоцман скрепя сердце принялся за дело, и между двумя столбами огня корабль проскользнул в тихую гавань великой египетской реки. Затем по совету лоцмана корабль был направлен к храму Оракула в Танисе – верное убежище чужеземцев, где ничто не могло потревожить их. Но сначала нужно было выбросить мертвых сидонцев за борт, так как египтяне ненавидели трупы. Один за другим мертвецы полетели в воду. Отвратительное зрелище!

В воде кишели огромные, чудовищные рыбы, набросившиеся на мертвые тела. Страшно было видеть, как они бросились на добычу, хватали ее и разрывали на куски в непроглядном мраке, при отблеске далекого огня. Казалось, это была страшная река смерти, обжитая чудовищами и всеми ужасами смерти. В первый раз в жизни сердце Скитальца замерло от страха. Тогда он вспомнил, что даже птицы в испуге летели прочь отсюда...

Когда мертвецы были выброшены, Одиссей, совсем измученный, заговорил с лоцманом, спрашивая его, отчего вода в море сделалась красной, была ли война в стране и везде ли царит такая темнота, как здесь. Тот ответил, что войны нет, все мирно и тихо, но страна переполнена лягушками, змеями и ящерицами, что целых три дня вода священной реки Сихор окрашена в кроваво-красный цвет, и мрак распространился над всей страной. Однако причины всех этих ужасов лоцман не знал.

Народ толковал, что боги разгневались на Кеми (Египет), но за что, он не мог сказать этого. Очевидно было, что божественная Хатхор, богиня любви, разгневалась на поклонение, воздаваемое в Танисе другой богине или женщине поразительной красоты. Лоцман добавил, что она появилась в стране несколько лет тому назад неизвестно откуда, была почитаема, как богиня, и исчезла так же таинственно, как появилась. Теперь она видима всем людям и обитает в своем храме. Люди поклоняются ее дивной красоте и чтут ее как богиню. Была ли она богиней или смертной женщиной, лоцман не знал, но богиня любви разгневалась на нее и послала на землю мрак и гадюк.

Народ, живший по берегам моря, роптал и говорил, что надо просить чужеземную Хатхор уйти из страны, если она действительно богиня, или побить камнями, если она простая женщина. Но обитатели Таниса клялись, что лучше умрут все до одного, чем позволят оскорбить несравненную красоту своей богини. Некоторые уверяли, что колдуны, пришедшие сюда из пустыни и поселившиеся в Танисе, которых называли Апура, причинили все эти бедствия своим колдовством. «Кстати, – добавил лоцман, – эти варвары гораздо умнее и могущественнее всех египетских жрецов».

Рассказ лоцмана был короток. В это время темнота немного рассеялась, и туча поднялась, так что зеленые берега реки открылись взору Одиссея. Мрак исчез, и яркий полдень засиял над страной Кеми. Шум и звуки жизни донеслись из города: мычание скота, шум ветра, шелестевшего в листве пальм, всплески рыбы в ручье, голоса людей, перекликавшихся на берегах, и гул толпы в храме великого бога Ра, повелителя Солнца.

Скиталец помолился своим богам и возблагодарил Аполлона, Гелиоса и Афродиту. В конце концов лоцман привел корабль к набережной. Наняли гребцов, и лодка весело понеслась при солнечном свете по каналу к Танису, убежищу чужеземцев.

Когда корабль остановился, Скиталец вышел на берег, ласково приветствуемый бритыми жрецами храма.

Глава V. Царица Мериамун

Новые вести летят быстро. Скоро фараон, находившийся со своим двором в Танисе, заново отстроенном городе, узнал, что в Кеми приехал человек, похожий на бога, в золотом вооружении, один на корабле смерти. За эти годы белые варвары с моря и островов нередко приходили в Египет, опустошали поля, захватывали женщин и исчезали на своих кораблях. Фараон удивился всей этой истории и, узнав, что чужестранец нашел приют в храме Оракула, сейчас же послал за своим главным советником.

То был древний жрец по имени Реи, носивший высший титул в стране. Он служил еще в царствование фараона-отца, божественного Рамсеса II, и был любим и уважаем и Менептой, и царицей Мериамун. Фараон поручил ему посетить убежище чужезмцев и привести приезжего к нему. Реи приказал запрячь мула и отправился к храму Оракула.

Когда он прибыл туда, жрец встретил его и повел в комнату, где Одиссей ел хлеб, запивая его вином. Он встал при входе Реи, одетый в свое золотое вооружение. Позади него на бронзовом треножнике лежал шлем с воткнутым в него осколком копья. Глаза Реи остановились на шлеме, и он был так удивлен, что едва расслышал приветствие Скитальца. Наконец он любезно ответил ему, но глаза его продолжали блуждать по шлему.

– Это твой шлем, сын мой? – спросил он, взяв шлем в руку.

Голос его дрожал.

– Да, мой собственный, – ответил Скиталец, – хотя копье воткнулось в него недавно в ответ на удар моего меча.

Он засмеялся.

Старый жрец приказал выйти всем служителям храма, и, уходя, они слышали, как он бормотал молитву.

– Мертвый сказал правду, – пробормотал он, переводя взор от шлема на лицо Скитальца, – мертвые говорят редко, но никогда не лгут!

Сын мой, ты ел и пил, – сказал великий жрец Реи, – теперь я могу, как старый человек, спросить тебя: откуда ты родом, где твоя родина и кто твои родители?

– Я родом из Алибаса, – отвечал Скиталец, предпочитая рассказать о себе вымышленную историю, – я из Алибаса, сын Полипемона, мое имя Эперит.

– Откуда явился ты один на корабле смерти с массой сокровищ?

– Сидонские купцы владели этими сокровищами и умерли за них, – отвечал Скиталец, – они ехали издалека и погибли. Они не довольствовались тем, что имели, а захватили меня в плен, когда я спал. Но боги даровали мне победу над ними, я взял в плен капитана, захватил весь богатый груз, много мечей, кубков и привез в дар фараону. Пойдем со мной и выбери себе что пожелаешь!

С этими словами Одиссей повел старика в сокровищницу храма, где хранилось много даров от чужезмцев: золото, дорогие ткани, слоновая кость, чаши и ванны из серебра. Среди всего этого богатства сокровища Одиссея выделялись своей роскошью, и глаза старого жреца заблестели от жадности.

– Возьми, что тебе нравится, прошу тебя! – говорил Одиссей.

Сначала жрец отказывался, но Скиталец заметил, что он не спускал глаз с чаши из прозрачной яшмы, привезенной с берегов Северного моря, украшенной курьезными фигурами людей, богов и огромных рыб, совершенно неизвестных здесь, и подал чашу жрецу.

– Ты должен взять ее, – сказал он, – на память от друга и твоего гостя.

Реи взял чашу, поблагодарил и поднес к свету, чтобы полюбоваться ее злотистым цветом.

– Мы похожи на детей, – сказал он, улыбаясь. – Я старый ребенок, которого ты порадовал новой игрушкой. Фараон просит тебя прийти к нему. Но если ты хочешь сделать мне удоволь-

ствие, сын мой, прошу тебя, выдерни осколок копья из твоего шлема, прежде чем увидишь царицу.

– Прости меня, – возразил Скиталец, – но я не хотел бы трогать моего шлема, да мне и нечем вытащить копье. Потом это острие, отец мой, будет свидетельствовать о правдивости моего рассказа, и я должен оставить его на шлеме.

Жрец вздохнул, склонил голову, сложил руки и начал молиться:

– О Амен, в твоих руках начало и конец всякого дела! Облегчи тяготу скорби и печали! Пусть исполнится все виденное ей! Молю тебя, Амен, пусть десница твоя не ляжет всей тяжестью на твою дочь Мериамун, царицу Кеми!

Затем старый жрец приказал приготовить для Одиссея колесницу, на которой они отправились во дворец фараона. За ними последовали жрецы, которые несли дары, приготовленные для фараона, а к колеснице привязали несчастного капитана сидонцев. Мимо большой толпы прошли они в зал аудиенций, где на золотом троне восседал фараон. Около него справа находилась прекрасная царица Мериамун, которая смотрела рассеянным, усталым взором. Подойдя к трону, жрецы поклонились до земли, подведя капитана; царь ласково улыбнулся, приняв в дар невольника.

Затем принесли дары: золотые чаши, дорогие мечи и ожерелья для царицы Мериамун, несколько воротников, богато расшитых шелками и золотом, – работы сидонских женщин.

Царица Мериамун приняла все это и устало улыбнулась. Капитан сидонцев громко застонал, когда увидел свое богатство в руках другого, все свои драгоценности, ради которых он рисковал жизнью. В конце концов фараон пожелал увидеть чужеземца. Скиталец подошел к трону без шлема, во всем блеске своей мужественной и богоподобной фигуры.

Он был невысок, но очень силен и хорошо сложен, и хотя не обладал уже красотой юности, но лицо его дышало мужеством, отвагой закаленного в боях воина, глаза горели огнем сильной и страстной души. Редкая женщина могла устоять против этих глаз.

Когда он вошел, ропот удивления пробежал по залу, все глаза устремились на него, кроме глубоких, темных очей безучастной ко всему Мериамун. Но когда она подняла глаза и взглянула на него, то побелела, как мертвец, и схватилась за сердце. Даже фараон заметил перемену в ее лице и спросил ее.

– Ничего, это от жары и запаха благовоний! – отвечала она. – Приветствуй же чужеземца! Между тем она держалась рукой за золотую бахрому трона, чтоб не упасть.

– Добро пожаловать, странник! – вскричал фараон. – Добро пожаловать. Как зовут тебя, где живет твой народ, где твоя родина?

Склонившись перед фараоном, Одиссей повторил свой вымышленный рассказ, добавив, что его зовут Эперит из Алибаса, рассказал также, как был захвачен сидонцами, как дрался с ними и плыл по морю, а в заключение показал свой шлем с воткнутом в него осколком копья.

Когда Мериамун увидала шлем, то вскочила на ноги, словно собираясь уйти, и упала назад, побледнев еще более.

– Царица... помогите царице... ей дурно! – закричал Реи, не спускавший с нее глаз.

Одна из прислужниц царицы, очень красивая женщина, подбежала к ней, встала на колени и начала согревать ей руки, пока Мериамун не очнулась.

– Оставь! – произнесла она сердито. – Пусть раб, который держит куренья, будет хорошенько наказан! Я останусь здесь, я не пойду к себе! Оставь!

Испуганная прислужница тотчас же отошла. Фараон приказал слугам увести капитана сидонцев и убить его на рыночной площади. Но Курри, так звали того, бросился к ногам Одиссея, моля о пощаде. Скиталец был добр теперь, когда пыл битвы миновал и кровь его текла спокойно в жилах.

– Милости, фараон Менепта! – вскричал он. – Прошу тебя, окажи милость, пощади этого человека! Он спас мою жизнь, когда матросы хотели бросить меня за борт, позволь же мне уплатить ему свой долг!

– Я пощажу его ради тебя! – отвечал фараон.

Курри отдала царице Мериамун, чтоб служить ей и делать для нее вещи из золота и серебра.

Скитальцу отвели комнату в царском дворце. Фараон был очень доволен, что чужеземец так красив и силен.

Одиссей вышел из зала аудиенций вместе с Реи; царица Мериамун снова подняла глаза и взглянула на него. Бледное лицо ее ярко вспыхнуло. Одиссей заметил страх и краску Мериамун, заметил ее красоту, но подумал, что она больна, однако, оставшись наедине со старым жрецом, спросил его об этом, попросив объяснить ему страх и смущение царицы.

– Мне показалось, – добавил он, – что царица узнала меня, как будто видела мое лицо, и испугалась меня, но я никогда в жизни не видел ее. Она очень красива, но кажется больной!

Сначала, пока Одиссей говорил это, Реи улыбался, но потом смутился и молчал. Видя его смущение и вспомнив, что он настоятельно просил его вытащить острие копья из шлема, Скиталец закидал его вопросами. Тогда частью от усталости, частью из уважения к нему, а может быть, потому, что тайна тяготила его сердце, старик увел Скитальца в свою комнату во дворце и рассказал ему историю царицы Мериамун.

Глава VI. История царицы Мериамун

Реи, жрец бога Амена, начал свой рассказ нехотя и медленно, но скоро увлекся и стал рассказывать с увлечением, присущим старым людям.

– Царица прекрасна, – сказал он, – видел ли ты кого-нибудь красивее в своих странах?

– Она очень хороша, – ответил Скиталец, – я желал бы, чтоб она была здорова и счастлива на троне!

– Вот об этом-то я и хочу говорить с тобой, хотя рассказ мой может стоить мне жизни! – сказал Реи. – Но легче будет на сердце, когда я скажу тебе, и может быть, ты можешь помочь и мне и ей, когда узнаешь все! Фараон Менепта, ее супруг, – сын божественного Рамсеса, вечно живущего фараона, сына Солнца, почивающего в Осирисе.

– Он умер? – спросил Одиссей.

– Он живет вечно на лоне Осириса, – ответил жрец, – и царица Мериамун – его побочная дочь.

– Брат обвенчан с сестрой! – воскликнул с удивлением Одиссей.

– Таков обычай царственного дома со времен детей Хора. Старинный обычай! Священный обычай! – продолжал Реи. – Но женщины, которые узаконивают обычаи, часто нарушают их. Из всех женщин Мериамун выделяется своим послушанием, остается верной старым обычаям. Брат ее, фараон Менепта, имел много сестер, но Мериамун прекраснее всех. Она так хороша, что народ называл ее «Дитя Луны», очень умна и не знает страха. Случилось так, что она изучила, что редко бывает среди наших женщин, всю тайную мудрость нашей древней страны. За исключением царицы Тайя, никто не знает больше Мериамун, я научил ее многому...

Он помолчал немного.

– Я занимался с ней с самого детства, – продолжал он, – был ее другом и учителем, и после отца и матери она любила меня больше всех. Любит она немногих. Меньше всех привязана она была к своему царственному брату Менепте. Она бойка и жива, а он тих, и речь его медлительна. Она не знает страха, а он боится войны. С самого детства она смеялась над ним, над его речью, превосходила его всем, даже в бегах и играх, хотя это было нетрудно, так как наш божественный фараон не отличается остроумием и догадливостью. Еще ребенком она сожалела и завидовала, что он будет носить двойную корону Египта, будет могущественным властителем страны, тогда как она вынуждена жить в бездействии и бедности.

– Но странно, почему из всех своих сестер он избрал именно ее? – сказал Одиссей.

– Да, странно, и произошло это удивительным образом! Божественный Рамсес пожелал женить сына. Менепта всячески противился этому, но воля отца – это воля богов. Божественный Менепта был очень искусен в одной древней египетской игре. Это игра в деревянные пешки, очень любимая в Кеми. Конечно, игра в пешки вовсе не женское дело, но Мериамун не хотела уступить своему брату и поручила мне вырезать ей из твердых корней кипариса пешки.

Я вырезал их своими собственными руками, и каждый вечер она играла со мной, а я был лучшим игроком в то время.

Однажды на закате солнца ее брат Менепта вернулся с охоты на львов в очень дурном расположении духа, так как охота была неудачна. Он велел подать вина, выпил его у ворот дворца и стал еще мрачнее.

Направляясь в свои комнаты во дворец, Менепта шел, размахивая своим хлыстом, как вдруг обернулся и заметил Мериамун. Она сидела под большими пальмовыми деревьями и играла со мной в пешки, одетая в белую с пурпуром одежду, с золотой змейкой в темных, как ночь, волосах, прекрасная, как Хатхор, богиня любви, или сама Исида.

Я – старый человек и скажу, что не было женщины прекраснее Мериамун, и нет такой на свете, хотя наш народ толкует об удивительной красоте «Чужеземной Хатхор».

Одиссей вспомнил о рассказе лощмана, но промолчал.

– Божественный князь Менепта увидел Мериамун, – продолжал Реи, – и подошел к нам. Ему надо было на чем-нибудь излить свой гнев. Я встал и низко поклонился ему, Мериамун небрежно откинулась на спинку кресла, грациозным движением своей нежной руки смешала деревяшки и приказала своей прислужнице, госпоже Натаске, собрать их и унести. Но глаза Натаски украдкой следили за князем.

– Приветствую тебя, царственная сестра! – сказал Менепта. – Что ты делаешь с этим? – он указал кончиком хлыста на деревянные. – Это не женская игра, и эти деревянные вовсе не сердца мужей, которыми можно играть по своему желанию. Эта игра не требует большого остроумия. Займись своим вышиванием, и это будет лучше.

– Привет тебе, царственный брат, – ответила Мериамун, – мне смешно слышать, что эта игра не требует остроумия. Твоя охота не удалась, займись же игрой, которую боги помогли тебе преодолеть!

– Это пустяки, – отвечал Менепта, бросаясь в кресло, с которого я встал, – но я хорошо играю и сумею дать тебе «храм», «жреца», пятерых «лодочников» и обыграю тебя. («Храм», «жрец» – так называются в игре деревянные, Скиталец, – добавил Реи.)

– Я принимаю вызов! – вскричала Мериамун. – Но мы будем играть три раза! Моей ставкой будет священная змейка на моем челе против твоего царственного уреуса. Кто выиграет, пусть носит то и другое!

– Нет, госпожа, – осмелился я сказать, – это слишком высокая ставка!

– Высока ставка или низка, а я согласен, – ответил Менепта. – Моя сестра слишком долго смеялась надо мной. Она увидит теперь, что вся ее женская хитрость не поможет ей превзойти меня в игре, что сын моего царственного отца, будущий фараон, – выше всякой женщины. Я принимаю твой вызов, Мериамун!

– Хорошо князь, – вскричала она, – после солнечного заката ты найдешь меня в моей первой комнате. Возьми с собой писца, чтоб отмечать игру. Реи будет судьей. Но не пей вина сегодня вечером! Иначе я выиграю твою ставку!

Менепта ушел, а Мериамун громко засмеялась. Но я предвидел беду. Ставки были слишком высоки, игра слишком неожиданна. Мериамун не хотела слушать меня, она всегда своевольна.

Солнце зашло, и два часа спустя Менепта пришел в сопровождении писца, найдя Мериамун уже готовой к игре. Перед ней на столе лежала квадратная доска. Он молча сел и спросил, кто начнет игру.

– погоди, – возразила Мериамун, – надо приготовить ставки!

Сняв с головы царственную змейку, она распустила свои дивные волосы и передала мне свою ставку.

– Если я проиграю, – заметила она, – то никогда не буду носить царственный уреус!

– Пока я жив, ты не будешь его носить! – отвечал Менепта, снимая свой уреус и подавая мне.

Между обоими уреусами была значительная разница. На короне Мериамун была одна змея, а Менепты – двойная.

– Да, Менепта, – произнесла Мериамун, – быть может, Осирис, бог смерти, ожидает тебя, он ведь любит великих людей. Начинай игру!

При этих зловещих словах Менепта нахмурился, но с готовностью начал игру. Мериамун играла спокойно и небрежно. Менепта выиграл первую игру и с криком: «„Фараон“ умер!» – сбросил пешки с доски.

– Каково я играю! – сказал он насмешливо. – Совсем по-женски: вы умеете нападать, но не защищаться.

– Не хвались, Менепта! – перебила Мериамун. – У нас две игры впереди. Я начинаю!

Вторую игру выиграла Мериамун и, крикнув: «„Фараон“ умер!» – сбросила пешки с доски. Менепта нахмурился, пока я устанавливал доску и пешки, а писец отмечал игру.

Очередь была за Менептой начинать третью игру.

– Клянусь священными богами, – вскричал он, – я принесу им богатые дары в знак победы над тобой!

– Клянусь священной богиней мести, – ответила Мериамун, – которой я молюсь ежедневно, я выиграю!

– Тебе бы надо клясться головой кошки, – произнес он насмешливо.

– Да, это верно, в особенности если кошка одолжит мне свои когти. Играй же, князь Менепта!

В конце игры после долгой борьбы, когда Мериамун потеряла большую часть своих пешек, лицо ее вдруг озарилось радостью. Казалось, она что-то придумала.

Пока Менепта велел принести вина и пил его, она полулежала в своем резном кресле, не сводя глаз с доски, потом сделала такой удачный ход, так тонко выполнила намеченный ею план игры, что Менепта стал в ступик и проиграл. Напрасно призывал он богов и клялся соорудить небывалый по роскоши храм.

– Боги не слышат тебя! – смеялась Мериамун.

Тогда он начал проклинать все и всех и пил вино.

– Глупцы ищут мудрости в вине, но только мудрецы находят ее! – продолжала она. – Смотри, царственный брат, «„Фараон“ умер», я выиграла и победила в твоей любимой игре. Реи, слуга мой, дай мне этот уреус, не мой, нет, а двойной, тот который проиграл мне. Я надену его, он мой теперь, Менепта! Я победила тебя!

Мериамун встала, выпрямилась во весь рост и стояла так, освещенная светом ламп, с царственным уреусом на челе, смеясь над Менептой и протягивая ему свою маленькую руку для поцелуя. Она была так прекрасна, что Менепта перестал клясть богов и судьбу свою и удивленно смотрел на нее.

– Клянусь Пта, ты очень хороша! – вскричал он. – Я прощаю отцу его мысль сделать тебя моей супругой и царицей!

– А я никогда не прощу ему этого! – возразила Мериамун.

Но Менепта выпил слишком много вина.

– Ты будешь моей царицей, – произнес он, – и поэтому я поцелую тебя! По праву сильнейшего я это сделаю! – и прежде чем Мериамун успела отскочить, обнял ее и поцеловал прямо в губы.

Мериамун побледнела, как мертвец. Сбоку у нее висел кинжал. Она быстро схватила его и ударила им Менепту. Если бы тот не успел отступить, то, наверное, был бы убит. Вместе с этим она крикнула: «Вот тебе, князь, твой поцелуй!»

Ей удалось только проколоть его руку, и я схватил ее и удержал от вторичного удара.

– Змея! – произнес Менепта, побледнев от страха и ярости. – Я еще поцелую тебя, все равно, хочешь ли ты этого или нет! А за рану ты мне дорого заплатишь!

Она тихо засмеялась: ее гнев прошел. Я побежал за врачом, чтоб перевязать руку Менепты.

– Царственная госпожа, что ты наделала? – сказал я Мериамун, когда вернулся к ней. – Ты знаешь, что твой божественный отец предназначил обвенчать тебя с Менептой, которого ты ранила!

– Я не хочу этого, Реи! – ответила она. – Не хочу этого тупицу, который называется сыном фараона. Кроме того, он мой сводный брат, и я не могу быть женой брата. Сама природа возмущается против этого обычая!

– Это нельзя изменить, госпожа! Таков обычай страны и царственного дома, такова воля твоего отца. Боги, твои предки, были обвенчаны согласно этому обычаю: Исида стала супругой Осириса. Великий Аменемхат установил его и за ним все праотцы и весь их род. Подумай только, я говорю это тебе потому, что люблю тебя, как родную дочь, ты не можешь избежать этого, ведь ложе фараона – это ступень к царскому трону. Ты любишь власть, а это ворота могущества. Быть может, хозяин ворот умрет и ты будешь одна сидеть на троне!

– Ах, Реи, ты говоришь, как советник царей! Как я ненавижу его! Ведь я могу руководить им, я знаю это! А наша игра сегодня ночью... Все будущее было на этой доске. Смотри: его диадема на моем челе! Быть может, так должно быть, я отдамся ему, хотя ненавижу его. Я начну новую игру, и ставкой будет жизнь, любовь и все, что мне дорого, и выиграю... Уреус будет принадлежать мне, так же как двойная корона древнего Кеми, и я буду править страной, как Хатшепсут, великая царица. Я сильна, а сильному боги даруют победу!

– Да, – ответил я, – смотри, госпожа, чтоб боги не обратили силу твою в слабость. У тебя слишком страстная душа, а страсть в женском сердце – это дверь, в которую входит безумие. Сегодня ты ненавидишь, берегись, чтоб эта ненависть не обратилась в любовь!

– Любовь! – произнесла она насмешливо. – Мериамун не полюбит, пока не найдет человека, достойного своей любви! И тогда... Тогда любовь ее разрушит все, и горе тому, кто станет на ее пути! Прощай, Реи!

Вдруг она заговорила со мной на другом языке, которого никто не знал, кроме меня и ее, – на мертвом языке мертвого народа Страны Скал, откуда вышли наши отцы.

– Я иду, – произнесла она, и я задрожал при ее словах, потому что ни один человек не говорит на этом языке, когда у него добрые мысли на уме, – я иду просить совета у того... ты знаешь... – она дотронулась до царственного уреуса.

Я бросился к ее ногам и обнял ее колени, крича:

– Дочь моя, дочь моя! Не совершай этого страшного греха! Молю тебя, за все блага мира не буди того, кто почивает в Осирисе, не призывай к жизни то, что мертво и холодно!

Она кивнула головой и ушла...

Старый жрец побледнел, говоря это.

– Что же она задумала? – спросил Скиталец.

Реи закрыл лицо руками и некоторое время молчал.

– Да, не буди и ты того, кто почивает в Осирисе, Скиталец! – произнес он наконец. – Язык мой запечатан. Я сказал тебе больше, чем надо было. Не спрашивай! Вот они идут! Пусть бог Ра и Амен пошлют им свое проклятие! Пусть Аменти поглотит их. Пусть зловещая рыба Собек вонзит в них свои зубы и пожрет их!

– За что ты проклинаешь их, Реи, и кто они такие? – спросил Одиссей. – Я слышу пение и шаги людей!

В самом деле, до них доносился топот ног и слова песни.

– Это проклятые богохульники, колдуны и рабы Апура, – сказал Реи, когда музыка и пение замерли вдали. – Их колдовство сильнее нашей мудрости: их предводитель был одним из наших жрецов и изучил тайны нашей мудрости. Они ходят и поют только перед бедой. Еще до рассвета мы узнаем что-нибудь новое. Да истребят их боги! Хорошо было бы, если б царица Мериамун позволила им уйти отсюда навсегда в пустыню, как они желают, но она хочет закалить сердце царя!

Глава VII. Видение царицы

Наступило молчание. Реи молчал, пока шум и пение не стихли вдали.

– Я должен сказать тебе, Эперит, – произнес он, – чем кончилась история Менепты и Мериамун. Она смирила свою гордость перед отцом и братом, согласившись исполнить желание отца, но заявила свои условия. Ее должны считать во всем равной фараону – такова цена ее руки; и во всех храмах, во всех городах Кеми Мериамун провозгласили вместе с Менептой наследницей короны Верхнего и Нижнего Египта. Торг был заключен, и цена назначена. После этого Мериамун очень изменилась. Она перестала смеяться над Менептой, стала кроткой и покорной его воле. Время шло, и в начале месяца разлития вод назначен был день свадьбы. Побочная дочь фараона с величайшей пышностью была обвенчана с его сыном. Но рука Мериамун, когда она стояла у алтаря, была холодна, как рука мертвеца. Гордо и холодно смотрела она, когда ехала в золотой колеснице через большие ворота Таписа. Только когда она услышала, что громкие крики народа «Мериамун! Мериамун!» совсем заглушили крики «Менепта!» – она тихо улыбнулась. Холодная, гордая, сидела она в своем белом одеянии на пиру фараона и ни разу не взглянула на супруга, который ласково смотрел на нее.

– Наконец долгий пир закончился, началась музыка, пение, но Мериамун, извинившись, встала и ушла, сопровождаемая своими прислужницами. У меня было тяжело на сердце, я печально прошел в свою комнату и занялся делом, я ведь строю храмы и дворцы в стране! Едва я успел сесть, как в дверь постучали, и вошла женщина, закутанная в тяжелый плащ. Она сбросила плащ: передо мной стояла Мериамун в своем подвенечном платье.

– Не пугайся, Реи, – произнесла она, – я освободилась на один час и пришла посмотреть, как ты работаешь. Не противоречь мне, я люблю смотреть на твое морщинистое лицо, на котором лежит отпечаток мудрости и познаний. Еще ребенком я наблюдала, как ты чертил планы великолепных храмов, которые переживут и нас, и, может быть, наших богов. Ах, Реи, ты мудрый человек, ты избрал себе благую участь и строишь здания из крепкого камня и украшаешь их стены по произволу твоей фантазии. Но я, я строю здание в тайниках человеческого сердца, и моя воля написана во мраке сердца. Когда я умру, воздвигни мне памятник необычной красоты, какого не было никогда, и сделай надпись: «Здесь, в этом храме гордости, обитает измученный строитель его – царица Мериамун».

– Не говори так, – сказал я, – разве сегодня не твоя свадебная ночь? Зачем ты пришла сюда теперь?

– Зачем? Вероятно, я снова превратилась в ребенка! Слушай, Реи, во всем обширном пространстве страны Кеми нет женщины, более потерянной, опозоренной и несчастной, чем царственная Мериамун, которую ты так любишь! Я пала ниже той, которая подметает улицы своим платьем, потому что чем возвышеннее душа человека, тем глубже его падение. Я оказалась постыдно, и цена моего падения – это власть. О, будь проклята судьба женщины, которая может достигнуть высоты только своей красотой! Будь проклят тот, кто посоветовал мне это, проклятие и мне самой, совершившей тяжкий грех! Оттолкни меня, Реи, ударь, плюнь мне в лицо, мне, царственной Мериамун, продавшей себя за царскую корону. О, я ненавижу его, ненавижу и заплачу ему стыдом за стыд, ему – этому клоуну в царском одеянии! Смотри сюда! – Она вытащила из складок платья белый цветок, известный только мне и ей. – Два раза сегодня покушалась я покончить о собой с помощью этого смертоносного цветка, сбросить с себя весь стыд и позор. И только одна мысль удержала меня: я, Мериамун, должна пережить его, разбить всюду его статуи, вычеркнуть его имя из писем каждого храма в стране Кеми... Я... – Она залилась вдруг горькими слезами, она, которая не умела плакать.

– Оставь! – продолжала она. – Это злобные слезы. Мериамун – властительница своей судьбы, а не судьба властвует над ней. А теперь господин мой ожидает меня, и я должна уйти.

Поцелуй меня, старый друг, пока я еще та Мериамун, которую ты знаешь и любишь, и больше не целуй меня никогда! В конце концов, все это хорошо для тебя, ведь если Мериамун будет царица Кеми, то ты будешь первым сановником в стране и будешь стоять на ступенях моего трона. Прощай!

Она бросила белый смертоносный цветок в огонь жаровни и ушла, оставив меня с тоской на сердце. Я узнал, что Мериамун не похожа на других женщин и выше их в зле и добре.

На следующую ночь я снова сидел и работал. Снова раздался стук в мою дверь, вошла женщина и сбросила свой плащ. Это опять была Мериамун, но бледная, расстроенная.

– Разве князь, твой супруг... – начал я, встав с места.

– Не говори мне о супруге, Реи, – перебила она меня. – Вчера ночью я наговорила тебе глупостей, потому что ум мой помутился... Забудь это все... Я жена, счастливая супруга и царица!

Она улыбнулась так странно, что я отступил назад.

– Послушай, – продолжала она. – Мне снился страшный сон, ты мудр и знаешь все, объясни мне его смысл и значение. Я спала и вдруг увидела человека, которого во сне любила более всего на свете. Мое сердце билось только для него, моя душа была его душой, и я знала, что полюбила его на всю жизнь. Фараон был моим супругом, но я не любила его. Вдруг с моря явилась женщина прекраснее меня, красота ее была изменчивее и выше красоты утренней зари, восходящей за горами. Она также любила этого богоподобного человека, и он любил ее. Мы боролись за его любовь, состязаясь в красоте, мудрости, в волшебстве. Сначала одна победила, потом другая, в конце концов победа осталась за мной. Я легла на брачное ложе и обняла холодный труп... Я проснулась, опять заснула и увидела себя в другом одеянии, говорящей на другом языке. Передо мной стоял человек, которого я любила, и та, другая женщина поразительной красоты... Потом я снова превратилась в Мериамун, и снова мы с ней начали бороться, чтоб овладеть сердцем этого мужа, но на этот раз она победила меня. Я уснула и опять проснулась в другой стране, чудесной, непохожей на Кеми, которую, мне казалось, я знала давно. Там я жила среди могил, темные лица смотрели на меня, и все гробницы были покрыты надписями на мертвом языке – языке страны, откуда пришли наши отцы. Все мы изменились, и снова я и та прекрасная женщина начали бороться, и я, казалось, победила ее, но вдруг целое море огня хлынуло на меня, и я проснулась. Во сне я громко кричала, призывая богов на помощь... Снова смежились очи мои, и ворота прошлого широко раскрылись предо мной. Мне казалось, что тысячи и тысячи лет тому назад я и этот человек возродились из ничтожества и пустоты, смотрели друг на друга и любили друг друга несказанной любовью и клялись страшной клятвой в любви и вечной верности. Мы не были простыми смертными, а обладали нечеловеческой силой и красотой, и наше счастье было счастьем богов. Оно было нарушено страшным голосом того, кого я потревожила, Реи, не послушавшись твоего совета. Поцелуй нашей любви пробудил то, что спало сном смерти. Мы не знали богов, не поклонялись им, обожая друг друга и думая, что мы будем жить вечно. И боги разгневались на нас. Страшный голос произнес: «Вы двое, живущие одной жизнью, дополняющие один другого! Ваши поцелуи разбудили того, кто спал сном смерти, пламя вашей любви согрело то, что было холодно. Вы забыли богов, даровавших вам жизнь, любовь и радость! Приготовьтесь к своей участи! Теперь вас будет не двое, а трое! Уходите из этого священного места на землю! Облекитесь в смертную оболочку, переходите от жизни к жизни, живите, любите, ненавидьте, умирайте! В своем ослеплении вы познаете все: стыд, любовь, гибель и возрождение до тех пор, пока наказание ваше будет окончено, покров вашей слепоты спадет с ваших глаз, и вы снова будете великими, снова будете двое, составляющие одно целое!» Мы задрожали, прижимаясь друг к другу, а голос продолжал: «Вы двое, составляющие одно целое! Пусть тот, чей голос вы слышали, разлучит вас... Будьте трое!» Пока голос говорил это, я была в отчаянии и совершенно обессилела, а около человека, которого я любила, очутилась та прекрасная женщина, увенчанная блеском своей красоты и

лучезарной звездой. Нас стало трое. Он, тот, кого я любила, взглянул на прекрасную женщину: та улыбнулась и протянула к нему руки. В эту минуту, Реи, я узнала всю горечь ревности и проснулась дрожа. Объясни, Реи, мое видение, растолкуй мне его!

– О, госпожа, – ответил я, – это выше моего понимания, я не могу растолковать тебе, хотя готов помочь тебе во всем!

– Я знаю, ты любишь меня, Реи. Пусть забудется этот сон: он послан не богами, а Сетом, мучителем. Пусть совершится все это, я готова, похожая на пылинку в руках судьбы. Быть может, я взлечу на верхушку храма, или буду истоптана ногами рабов, или поглощена мраком... Я не люблю своего супруга, будущего фараона, и никогда не буду любить его. Когда сердце холодно, то рука сильна, и я согласилась быть царицей, которая может вести фараона за бороду, согласилась быть первой во всей древней стране Кеми потому, что я родилась не для того, чтоб служить. Да, я буду править и ждать конца. Смотри, Реи... Лучи Панды заливают ярким блеском дворы, улицы, города и раздробляются сиянием на лоне вод. Я – дитя Луны... Слеза моя затопит всю страну Кеми...

Она ушла. На лице ее играла странная и загадочная усмешка, похожая на улыбку великого сфинкса Гаремку, очи которого таинственно глядят в глубь пустыни...

– Странная царица! – сказал Одиссей, когда Реи замолчал. – Но что я могу сделать для нее?

– Больше, чем думаешь! – отвечал Реи. – Но дай мне кончить рассказ и тогда поймешь!

Глава VIII. В святилище смерти

– Божественный фараон Рамсес умер и почил в Осирисе. Своими собственными руками я закрыл его гроб и положил его в великолепную гробницу, где он будет спать непробудным сном до дня пробуждения. Менепта и Мериамун воссели на древний престол Кеми. Мериамун относилась очень холодно к фараону, хотя тот исполнял все ее желания. Детей у них не было, и скоро красота ее наскучила царю. Но она умела властвовать над ним и правила всей страной. Что касается меня, я был ее главным советником, она беседовала со мной, удостоив меня больших почестей и сделав командиром легиона бога Амена. Однажды Мериамун устроила роскошный пир, на котором присутствовал фараон. Около него сидела Натаска. Это была женщина, приближенная к особе царицы, очень красивая, но нахальная и смелая, сумевшая завоевать на час расположение фараона. Он выпил много вина на пиру и коснулся губами руки Натаски, но царица Мериамун не обращала на них внимания. Между тем Натаска, выпившая также немало теплого вина, становилась все смелее. Отпив вино из золотой чаши, она передала ее рабу и велела поднести царице, крикнув ей: «Выпей из моей чаши, сестра моя!» Все присутствовавшие поняли смысл ее поступка и слов: Натаска открыто называла себя женой фараона, равной царице. Конечно Мериамун мало заботилась о любви царя, но она любила власть и могущество и потому при дерзких словах рабыни нахмурилась, в темных глазах ее загорелся мрачный огонек.

Она взяла золотую чашу и поднесла ее к своим губам, затем наполнила свою чашу вином, сделала вид, что отпила из нее и тихо сказала Натаске:

– Выпей в ответ из моей чаши, Натаска, слуга моя, потому что скоро ты будешь, может быть, выше царицы!

Глупая женщина взяла поднесенную ей евнухом золотую чашу, не поняв лживых слов Мериамун, и выпила вино, но затем со страшным криком упала мертвая на стол. Все присутствовавшие пришли в ужас, не смея сказать слова, а Мериамун насмешливо и мрачно улыбалась, смотря на темноволосую голову Натаски, безжизненно лежавшую среди цветов на столе. Фараон стал бледным от ярости и крикнул стражу, чтобы схватить царицу. Но та движением руки приказала страже отойти.

– Не смейте дотронуться до помазанной царицы Кеми! – произнесла Мериамун. – Ты, Менепта, не забывай нашей брачной клятвы! Смеют ли твои возлюбленные бросать мне вызов и называть меня сестрой? Если мои глаза были слепы, то уши открыты! Молчи! Она получила заслуженное, ищи себе другую!

Фараон молчал, испугавшись Мериамун, которая сидела спокойно, играя ожерельем на своей груди и наблюдая, как рабы унесли с пира мертвое тело Натаски. Один за другим все испуганное общество разошлось, остались только фараон, Мериамун да я, жрец Реи.

– Отвратительная женщина! – заговорил фараон, дрожа от страха и гнева. – Будь проклят тот день, когда я заметил твою красоту! Ты победила меня, но берегись! Я – фараон еще и твой господин и клянусь тем, кто почивает в Осирисе, если ты еще раз сделаешь что-нибудь подобное, я сниму с тебя корону царицы, отдам тебя на мучения, и душа твоя последует за той, которую ты убила!

– Фараон, берегись! – ответила гордо Мериамун. – Протяни только палец ко мне, и ты осужден! Ты не можешь убить меня, а я сумею одолеть тебя, клянусь великой клятвой! Клянусь тем, кто почивает в Осирисе, осмелюсь только поднять руку против меня, осмелюсь помыслить о предательстве – и ты немедленно умрешь! Меня трудно обмануть: у меня есть слуги, которых ты не можешь видеть и слышать. Я кое-что знаю, Менепта, из волшебств царицы Тайи. Иди своей дорогой и предоставь меня моей судьбе. Я – царица, останусь царицей и во всех

государственных делах имею право голоса, как ты! Мы будем жить отдельно теперь: ты ведь боишься меня, Менепта, а я не люблю тебя!

– Пусть будет так, как ты сказала! – проворчал испуганный фараон. – Проклят тот день, когда мы встретились! С сегодняшнего дня мы чужие друг другу! Я знаю твою силу, Мериамун, дарованную тебе злыми богами. Тебе нечего бояться, я не убью тебя: брошенное копье часто ранит того, кем оно брошено. Реи, слуга мой, ты был свидетелем наших брачных клятв, слушай же теперь, мы берем их назад. Мериамун, царица древней Кеми, отныне ты не жена мне. Прощай! – И фараон ушел, подавленный страхом.

– Да, – произнесла Мериамун, смотря ему вслед, – я более не жена Менепты, но все еще царица Кеми. О старый друг, как мне надоело все! Странная участь моя! У меня есть все, кроме любви, и все мне надоело. Я тосковала по власти, эта власть в моих руках, а что такое власть? Мираж... Мне наскучила моя безрадостная жизнь... О, если б один час пламенной любви – и потом умереть! Скажи мне, Реи! Осмелишься ли ты идти к мертвецам?

Она схватила меня за рукав и прошептала мне на ухо несколько слов.

– Ах, царица, я знаю... Там все покончено...

– Да, все и навсегда. Но знаешь, она еще не совсем застыла, эта Натаска, которую я убила, а я обладаю искусством вызвать ее дух обратно, пока она не совсем заглохла, и узнать из ее уст будущее... Там, у Осириса, перед ней открыто все будущее...

– Нет, нет, – вскричал я, – это святотатство. Мы потревожим смерть, и боги разгневаются на нас!

– Я хочу этого, Реи! Если ты боишься, не ходи, я пойду одна, так как хочу узнать все. Если я умру при этой попытке, напиши на моей гробнице: «В поисках сущности бытия она нашла смерть!»

– Нет, царица, – воскликнул я, – ты не пойдешь одна! Я кое-что смыслю в этом и, может быть, сумею оградить тебя от зла. Если ты хочешь идти, я последую за тобой!

– Хорошо. Сегодня ночью тело унесут в святилище храма Осириса, близ больших ворот, чтобы по обычаю оно дожидалось там прихода бальзамировщиков. Пойдем скорее, Реи, пойдем в храм Смерти!

Мериамун ушла в свои комнаты, закуталась в темную одежду. Мы поспешили к храму, где нас окликнула стража.

– Кто идет? Именем священного Осириса говорите, кто идет!

– Реи, строитель, жрец бога Амена, а с ним другой человек! – ответил я. – Откройте дверь!

– Нет, не откроем. В храме есть некто, кого нельзя беспокоить!

– Кто же там?

– Та, которую убила царица!

– Царица послала нас взглянуть на ту, которую убила!

Жрец окинул взглядом закутанную фигуру Мериамун около меня.

– Пропуск твой, благородный Реи!

Я показал ему царскую печать, и он с поклоном отворил двери. Войдя в храм, я зажег приготовленные восковые свечи.

При свете свечей мы прошли через зал и подошли к занавесу у святилища. Здесь я потушил свечи, так как никакой другой огонь, кроме того, что горит на алтаре, не может проникать в святилище. Сквозь занавес мы видели свет.

– Открой! – сказала Мериамун. Я открыл, и мы вошли в святилище. На алтаре ярко горело священное пламя, озаряя внутренность храма. Это был один из маленьких храмов Таписа; свет не достигал до стен, и мы едва могли различить на них фигуры богов. Но большая сидячая статуя Осириса была ярко освещена. Она была сделана из черного камня с короной на голове. В руках статуи был посох и страшный наказующий бич. На его священных коле-

нях лежала белая обнаженная фигура мертвой Натаски. Она склонила голову на священную грудь Осириса, длинные волосы ее висели до полу, руки были прижаты к сердцу, мертвые глаза смотрели в темноту.

В Таписе существует обычай класть ночью внезапно умерших людей высокого происхождения на колени статуи Осириса.

– Смотри, – тихо сказал я царице, поддаваясь впечатлению священного места, – смотри, вот она, час тому назад красивая, благодаря тебе одета теперь нетленным величием смерти! Подумай! Ужели ты хочешь вызвать назад дух той, которую ты освободила от уз земли? Нелегко это сделать, царица, несмотря на все твое искусство, и если она даже ответит тебе, то мы можем умереть от ужаса и страха!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.